

А.А. ЗАВОЙКИН. Образование Боспорского государства. Археология и хронология становления державы Спартокидов. Симферополь–Керчь: ВТС Принт, 2013 (Боспорские исследования. Supplementum 10). 592 с., ил.

Среди многочисленных сюжетов, вызывающих интерес антиковедов в связи с тысячелетней судьбой Боспорского государства, весьма значимое место занимают проблемы его политической истории на самом раннем этапе его существования (от появления и приблизительно до рубежа IV–III вв. до н.э.). Помимо того, что этот период, естественно, достаточно подробно освещен во всех общих трудах по Боспору, существуют и специально посвященные ему монографические исследования (принадлежащие перу таких авторов, как Т.В. Блаватская¹, Ф.В. Шелов-Коведяев², Е.А. Молев³). Внимание ученых неизменно привлекали два тесно связанных друг с другом круга вопросов: во-первых, складывание и расширение государственной территории вышеупомянутого образования, во-вторых же, эволюция форм правления в нем (иными словами, речь следует вести о диалектике внешнеполитических и внутривнутриполитических процессов).

Недавно появилась новая книга по данной тематике, своей фундаментальностью (во всех отношениях) превосходящая все предыдущие. Нам представилось совершенно необходимым откликнуться на нее рецензией на страницах ВДИ. Монография была подготовлена А.А. Завойкиным на основе докторской диссертации, защищенной им в Институте археологии РАН в 2007 г.⁴ и, в свою очередь, опиравшейся на его многочисленные более ранние работы. Уже тогда автор этих строк, выступая в качестве одного из официальных оппонентов, подчеркнул в своем отзыве настоятельную необходимость скорейшего опубликования исследования А.А. Завойкина. Это не удалось сделать так быстро, как хотелось бы (вмешался ряд обстоятельств как объективного, так и субъективного характера), но все-таки через шесть лет после защиты оно увидело свет и стало доступным широкому кругу читателей.

Итак, рецензируемая книга написана на тему, которая является, как отмечалось нами выше и как справедливо, аргументированно показывает сам А.А. Завойкин во введении, весьма важной и актуальной. По проблеме образования Боспорского государства (а различные ее аспекты рассматривались, само собой, не только в тех крупных работах, что упомянуты в начале рецензии, но и в большом количестве статей) велись острые дискуссии, но тем принципиально новым, что предлагает автор, является специфика подхода к данному кругу проблем: «главной целью исследования является всестороннее изучение процесса становления Боспорского государства с привлечением всего круга имеющихся источников, но при этом предполагается максимально широкое использование именно источников археологических, позволяющее затронуть целый ряд тем, не нашедших отражение в других категориях источников» (с. 17). Действительно, под таким углом зрения о возникновении Боспорского государства еще почти не писали, а в монографическом формате, – можно сказать, не писали вообще. А в то же время подобный подход представляется весьма плодотворным, поскольку «чистые» историки (не археологи), которые занимаются данной проблематикой, не всегда способны (в силу специфики своих знаний) в полной мере привлечь археологические данные, что заведомо обрекает их исследования на некоторую ущербность: ведь эти археологические данные (и в демонстрации данного факта – одна из главных заслуг А.А. Завойкина) для ряда аспектов темы имеют просто-таки решающее значение, их максимальное привлечение является *condicio sine qua non*.

¹ Блаватская 1959.

² Шелов-Коведяев 1985. Это исследование и по объему, и по кругу рассматриваемых вопросов является именно монографическим, хотя и не вышло отдельной книгой.

³ Молев, 1997.

⁴ Завойкин 2007.

При этом монография имеет в полном смысле слова комплексный характер, в ней очень удачно сбалансированы анализ различных категорий источников и синтез полученных данных. Следует специально подчеркнуть: преимущественное внимание автора к археологическому материалу отнюдь не мешает тому, что он в предельно полной мере использует информацию, предоставляемую и остальными источниками – нарративными, нумизматическими, эпиграфическими. Всем этим материалом он владеет на самом высоком уровне, что вполне закономерно: А.А. Завойкин уже много лет занимается археологией и историей Боспора, и настоящая работа, повторим, является обобщением его предыдущих изысканий.

Большим достоинством книги является взвешенный, осторожный подход исследователя к тем сложным проблемам, которые он изучает. А.А. Завойкин стремится повсюду идти от данных источников и повсюду же высказывать только такие суждения, которые позволяют сделать источник. Это отрадно на фоне немалого количества априорных и малодоказательных предположений, которые встречаются в литературе по истории Боспора.

Монография, весьма обширная по размеру (почти шесть сотен страниц очень крупного формата, 74 печатных листа), отличается также достаточно сложной структурой. Ее вводная часть включает в себя краткое «Предисловие» (с. 9–10) со сведениями о том, как «рождалась» книга⁵, «Введение» как таковое (с. 11–20) и раздел «Историография проблемы» (с. 21–58). Затем следует основной объем работы: это три части, подразделяющиеся на 15 глав (нумерация глав сплошная), а некоторые главы далее членятся еще и на подглавки. Завершается исследование «Заключением» (с. 457–461), двумя «Приложениями» (в первое вошли таблицы, схемы, диаграммы и т.п., а во второе – несколько текстовых экскурсов), впечатляющим списком литературы (с. 541–581), списком сокращений.

Перейдем к анализу конкретного содержания монографии. Во «Введении» автор четко очерчивает состояние проблемы, обозначает цель и задачи своего исследования, его структуру, хронологические рамки, применяемые при работе методики. Чрезмерно кратким и конспективным (меньше страницы) показался нам очерк источников (с. 19). Обычно такой очерк в фундаментальных монографиях бывает гораздо более развернутым. Разумеется, в основной части книги А.А. Завойкина подробно рассматриваются основные категории источников и важнейшие источниковедческие проблемы (как, собственно, бывает и в любой работе исследовательского характера). Однако все-таки, наверное, вряд ли стоило так сильно отступать от устоявшихся норм структурирования обобщающих монографических исследований.

Зато бесспорным украшением книги является историографический раздел (в нем, в свою очередь, наличествуют две части, посвященные, соответственно, собственно исторической и археологической литературе по вопросу). Бесспорно, это один из лучших обзоров историографии, какой нам когда-либо приходилось читать. А.А. Завойкин избирает оригинальный и весьма продуктивный способ рассмотрения предшествующей литературы. Он не «ываливает» на читателя огромные списки фамилий авторов и названий работ, не перегружает свой обзор упоминанием всех, кто когда-либо писал по данной проблематике (такая перегрузка всегда затрудняет восприятие информации), а подробно останавливается на позициях тех антиковедов, которые внесли важнейший вклад в изучение темы, чьи исследования стали некими этапами или вехами в этой области. Подобный подход удачно позволяет, абстрагировавшись от всего второстепенного, наметить принципиальные тенденции в изучении проблемы образования Боспорского государства, выявить основные направления.

А.А. Завойкин демонстрирует, как постепенно обретала законченные очертания господствовавшая до недавнего времени концепция создания этого государственного образования в V в. до н.э.⁶; как эта концепция достигла своего апогея в работах Ю.Г. Виноградова⁷, а чуть позднее – Ф.В. Шелова-

⁵ В частности, указывается, чем отличается книга от диссертации, из которой она выросла. Отличий, по большому счету, немного. Так, изменился подзаголовок (из него – совершенно правильно, мы считаем, – убрано выражение «территориальная держава»); значительно сокращена глава, посвященная археологии Фанагории, – ввиду того, что соответствующий материал был исчерпывающим образом освещен автором в отдельной монографии (Завойкин 2004).

⁶ Жебелёв 1953 – из этого сборника статей разных лет и даже десятилетий, А.А. Завойкин обращает особое внимание на две работы исследователя, написанные соответственно в 1902 и 1935 гг. См. Блаватский 1954; 1964.

⁷ А.А. Завойкин ссылается в основном на две его этапные статьи (отчасти дублирующие друг друга): Vinogradov 1980; Виноградов 1983. Метод работы Ю.Г. Виноградова (как, надеемся, подтвердит каждый, кто его знал) заключался в следующем: он почти не писал крупных работ (исключение – его монография об Ольвии: Виноградов 1989), но в статьях (см. сборник наиболее значительных из них: Vinogradov 1997) и, главное, в непосредственном общении с коллегами – как формальном (доклады на конференциях, ответы на вопросы после этих докладов), так и неформальном – умел

Коведяева⁸ и В.П. Толстикова⁹, уже начала исчерпывать себя, проявлять черты кризиса и внутренней противоречивости (что вызвало критику со стороны А.Н. Васильева¹⁰); как на ее место стали в самое последнее время приходиться разнообразные, порой экзотические построения¹¹.

Весь историографический обзор подводит к мысли о необходимости четкого и аргументированного формулирования новой, альтернативной концепции того же процесса – концепции, в максимальной степени опирающейся на всю совокупность имеющихся ныне в нашем распоряжении позитивных данных. Собственно говоря, именно в данной монографии А.А. Завойкина такая концепция впервые в нашей историографии получает полное воплощение.

Разбор автором мнений его предшественников весьма критичен. Но эта критика всегда корректна и конструктивна. Корректна – потому что А.А. Завойкин излагает чужие точки зрения всегда верно и объективно, без искажений, не приписывает другим ученых мыслей, которые те не высказывали (как, увы, часто делается). Как правило, в интересах такой корректности он повсюду цитирует собственные слова авторов, с которыми полемизирует, а не перелагает их «своими словами». Конструктивной же критика А.А. Завойкина является потому, что она никогда не превращается в «критику ради критики»: опровергая какой-либо тезис, автор обязательно противопоставляет ему тезис собственный, более продуманный и аргументированный.

Первая часть книги (главы 1–7, с. 59–272) целиком написана на археологических данных. В ней разбираются стратиграфия и хронология боспорских поселений (в основном городских, но рассматриваются также и сельские), затрагивается в ряде аспектов материал погребальных памятников. Автор старается учитывать информацию, получаемую как с европейской, так и с азиатской стороны Боспора, хотя, как нам показалось, все же не вполне равномерно. Так, Фанагории уделено (даже в сокращенном по сравнению с диссертацией варианте) ровно столько же страниц (с. 148–176), как самому Пантикапею (с. 61–89)¹². Фанагория, конечно же, очень важна в боспорской истории, но все-таки ведь не важнее же Пантикапея! С другой стороны, подобное предпочтение, конечно же, можно понять и оправдать, если учитывать, что, в сущности, А.А. Завойкин сформулировал свою базовую концепцию, к которой он шел годами (и о которой подробнее будет сказано чуть ниже), именно на фанагорийском материале.

В целом аргументация этой части представляется нам глубокой и убедительной. Она часто сопряжена с серьезным пересмотром точек зрения на ту или иную проблему; А.А. Завойкин стремится развязать целый ряд историографических мифов, которые за годы и десятилетия своего существования уже едва ли не обрели статус доказанных фактов. Справиться с этой важной задачей ему, как правило, удается очень успешно.

Если говорить о вещах по-настоящему принципиальных (замечания по частным вопросам будут изложены ниже), то, пожалуй, наши возражения вызывают лишь положения, высказанные в главе 7 (с. 244–272), посвященной анализу погребений с оружием. Исследователь, судя по всему, чрезмерно прямолинейно и категорично связывает вариации в количестве таких погребений с военно-политической ситуацией в регионе. Он исходит из следующей посылки: «в периоды обострений военно-политических отношений полисов между собой или же с окружающими варварами число погребенных с оружием должно было возрастать и, напротив, в периоды стабильности и мира – уменьшаться»

исключительно убедительно изложить свою позицию, побудить коллег принять его точку зрения. Под несомненным (и сильным) влиянием идей Ю.Г. Виноградова написаны работы Ф.В. Шелова-Коведяева и В.П. Толстикова.

⁸ Шелов-Коведяев 1985.

⁹ А.А. Завойкин ссылается в первую очередь на его этапную статью: Толстикова 1984. Именно ее – и только ее – автор рассматривает в «археологической» части своего историографического обзора. Он отмечает: «... в 1984 г. В.П. Толстикова предпринял первую (и до сих пор единственную) попытку охарактеризовать процесс образования Боспорского государства на основании данных археологии» (с. 49). Следует, пожалуй, оговорить, что точка зрения В.П. Толстикова относительно хронологии самых ранних построек на пантикапейском акрополе в самые последние годы претерпела некоторые изменения под влиянием соображений, высказанных ему А.В. Буйских.

¹⁰ Васильев 1985; 1992. А.А. Завойкин подчеркивает, что он отнюдь не солидаризируется с концепцией А.Н. Васильева в ее целостности, а принимает из нее только то, что является конструктивным.

¹¹ Здесь А.А. Завойкин, понятное дело, имеет в виду в первую очередь книгу: Анохин 1999 (ее концептуальную критику см. Сапрыкин 2003). Впрочем, на nive произвольных построений в данной области знаний в самые последние годы особенно «преуспел» дилетант В.Л. Строкин.

¹² В первоначальном варианте работы, т.е. в диссертации, А.А. Завойкин уделил Фанагории больше страниц (Завойкин 2007, 211–334), чем всем городам Европейского Боспора вместе взятым (Завойкин 2007, 100–210).

(с. 245). Сам автор называет этот тезис «предположением», каковым оно действительно и является. Более того, это предположение, на наш взгляд, не вполне корректно. Погребальный ритуал может служить свидетельством о менталитете данного социума и о многих других вещах, но вряд ли – о конкретной военно-политической ситуации. Или мы должны допустить, что если в данный год шла война, то предполагалось, что и на том свете умершего будут окружать враги, стало быть, необходимо положить в его могилу оружие (которое, кстати говоря, в военное время значительно нужнее живым)? Такая логика нам непонятна.

Впрочем, насколько можно судить, ход мысли А.А. Завойкина следующий. Если погребение содержит вооружение, то оно принадлежит военному, а если не содержит – то «гражданскому лицу» (ср. с. 257, 272 и др.). Но вот против этой дихотомии «военные – гражданские лица» мы решительно возражаем как против модернизирующей и не соответствующей условиям античного полиса. В полисе «военная функция» ни в малейшей мере не была оторвана от функции общеполитической, соответственно, «военного сословия» как такового, отделенного от гражданского населения, не было вообще¹³. Все совершеннолетние граждане являлись воинами; гражданский коллектив и полисное ополчение в принципе совпадали. Разумеется, в классическую эпоху граждане уже не ходили вооруженными в общественных местах, но, несомненно, оружие имелось дома у каждого. В подобных условиях динамика могла быть только одна: чем больше граждан, тем больше воинов, и vice versa. Постулируя какую-то иную динамику процесса, мы тем самым предполагаем какой-либо другой тип социума и государственности, но только не полис.

Нам показалось, что это обстоятельство не вполне учитывает автор рецензируемой книги. Во всяком случае, у него встречаются обороты вроде «Нимфей... наращивает (с нуля) армию...» (с. 270) и т.п. Невозможно допустить, что в полисе в какой бы то ни было момент армия равняется нулю: это означало бы, что в полисе нет граждан. Одним словом, не представляется безусловно верной исходная посылка этой главы. А стало быть, оказываются уязвимыми и все выводы, сделанные, непосредственно или косвенно, на базе этой посылки.

Впрочем, здесь наша критика, может быть, и чрезмерно категорична. В разбираемой главе 7 А.А. Завойкин отразил выводы, ранее полученные им в серии статей, опубликованных в соавторстве с Н.И. Сударевым¹⁴. Если нам, «непосвященным», многое в этих работах показалось странным, то коллеги-археологи высоко оценили разработки А.А. Завойкина и Н.И. Сударева, признав предложенную ими модель анализа погребений весьма перспективной. Допускаем, что мы в своем скептицизме не вполне правы. Пришлось же и автору этих строк в свое время писать, в частности, что в Афинах (в VI в. до н.э.) бывали времена, когда отсутствовало полисное ополчение¹⁵.

В следующей, второй части (главы 8–11, с. 273–399) рассматриваются хронологические проблемы, связанные с ранней боспорской историей и ее периодизацией. Вообще тщательное изучение хронологии событий и процессов – один из краеугольных камней работы А.А. Завойкина. Поэтому им весьма скрупулезно анализируется весь широкий круг сопутствующих тем; устанавливаются основные хронологические вехи боспорской истории VI–IV вв. до н.э., как они предстают из широкого круга нарративных, эпиграфических, нумизматических свидетельств, которые разбираются в тесной связи друг с другом и как бы «сквозь призму» друг друга, с постоянным сопоставлением полученных фактов.

Итожит вторую часть глава 11 «Очерк истории Боспора в VI–IV вв. до н.э.» (с. 381–399), которую мы назвали бы вообще *главной* в книге: именно тут А.А. Завойкин предлагает свою – совершенно новую и оригинальную схему периодизации исторического развития раннего Боспора. Образование единого Боспорского государства автор датирует временем значительно более поздним, нежели подавляющее большинство других исследователей, занимавшихся этой темой. Он считает, что до конца V в. до н.э. можно говорить только о полисной тирании Археанактидов¹⁶, затем Спартокидов, распространявшейся лишь на Пантикапей и его ближайшие окрестности. И лишь на рубеже V–IV вв. в это государство входят основные полисы как Европейского, так и Азиатского Боспора, причем входят не мирным путем (через предполагавшуюся ранее амфикионию-симмахию, к идее которой у А.А. Завойкина отношение скорее негативное), а через насильственное подчинение Спартокидами, конкретно – Сатиром I. Новый этап, этап «территориальной державы», наступает с Левко-

¹³ Vernant 1980, 19–44; Видаль-Накэ 2001, 115–134.

¹⁴ Завойкин, Сударев 2006а; 2006б.

¹⁵ Суриков 2010, 47 слл.

¹⁶ Режим Археанактидов, похоже, вообще представлял собой не тиранию, а олигархию. Во всяком случае, недавно мы это попытались продемонстрировать (Суриков 2012, 312–314; 2014, 80–96), и вроде бы наша точка зрения нашла поддержку (например: Сапрыкин 2013, 191), в том числе была интересом воспринята и самим А.А. Завойкиным (2014, 40–41).

ном I; он связан с завоеванием Феодосии и Синдики. В рамках этой гипотезы присоединение Нимфея («измена Гилона») оказывается не одним из последних событий формирования Боспорской надполисной державы, как обычно считается, а, напротив, одним из первых, если не самым первым.

Перед нами – хорошо продуманная, полнокровная, внутренне цельная концепция, которая имеет полное право на существование и несомненно займет весьма значительное место в историографии Северного Причерноморья. Мы пока не решились бы однозначно присоединиться к этой концепции и принять предполагаемую ею последовательность событий как безусловно доказанный факт, поскольку в цепи аргументации автора есть некоторые уязвимые звенья. Выше мы уже упоминали проблемы, встающие в связи с тем рядом аргументов, который имеет отношение к погребениям с оружием. Укажем еще несколько аналогичных проблематичных мест.

Один из главных, наиболее весомых пунктов в ходе рассуждений А.А. Завойкина – доказательство им, прежде всего на археологических данных, того факта, что в конце V в. до н.э. Фанагория была захвачена – и, судя по всему, не кем иным, как пантикапейским тираном. Правда, сам исследователь отмечает (с. 174), что это лишь «вариант интерпретации» археологического материала (а стало быть, возможны и другие варианты). Впрочем, согласимся с автором, что именно этот вариант имеет предпочтительный характер перед любым другим. Однако: из чего видно, что Фанагория в этот момент *впервые* вошла в состав общепоспорского объединения? Факт захвата города может быть удовлетворительно интерпретирован и в рамках одной из традиционных концепций, согласно которой Фанагория вначале входила в Боспорское государство, затем отпала и в конце V в. до н.э. была насильственно, с применением военной силы возвращена. Кстати, ни в каких источниках никаких категорий нет ни малейшего, даже самого смутного и сомнительного намека на то, что Фанагория когда-либо была членом Афинской архэ. Отметим к слову, что в вопросе о членстве боспорских полисов в этом союзе по данным афинских списков фороса автору несколько изменяет его обычная осторожность, и его оценки кажутся максималистскими. Так, нам решительно непонятно, каким образом из одной сохранившейся буквы (староаттическая *эта*) можно восстановить в списке фороса название Гермонассы (с. 288–289 и др.).

Далее, к вопросу о Кепях. К последнему десятилетию V в. до н.э., когда Сатир I вручил этот город афинянину Гилону, сдавшему ему Нимфей¹⁷, Кепы, несомненно, не просто входили уже в государство Спартокидов, но входили достаточно давно, чтобы в них были уже подавлены всякие элементы полисной автономии, чтобы они воспринимались как органичная часть владений Сатира и тот мог запросто распоряжаться ими как своей полной собственностью. По отношению к городу, только-только присоединенному, это довольно трудно представить.

Формирование Боспорского государства рассматривается автором и во внешнеполитическом контексте, который проанализирован в главе 12 (с. 405–416). Эту главу мы назвали бы одной из наиболее спорных в монографии, и она тоже является уязвимым звеном в цепи аргументации А.А. Завойкина. Выстраивается следующая схема. В 437–410 гг. до н.э. спартокидский Пантикапей занимал позицию антиафинскую и, следовательно, проперсидскую. А остальные полисы Боспора, напротив, шли в афинском «фарватере». Затем происходит диаметрально противоположное изменение: Пантикапей внезапно переориентируется на Афины, и, соответственно, другие полисы Боспора совершают аналогичный (но противоположный направленный) внешнеполитический «кульбит» и оказываются (посредством Гераклеи) в проперсидском «лагере».

Схема, безусловно, красивая¹⁸, но не вполне убедительная. Главным методологическим просчетом исследователя здесь является автоматическое, категоричное противопоставление проафинской и проперсидской ориентаций – как если бы дружба с Ахеменидами обязательно означала вражду к Афинам, и наоборот. А.А. Завойкин пишет о «традиционной антиафинской политике Персии» (с. 458). Точка зрения распространяемая, но некорректная. Афино-персидская враждебность отнюдь не была какой-то константой внешней политики классической эпохи.

После Каллиева мира 449 г. до н.э. Афинская архэ и Персия не были врагами. Инциденты между ними, конечно, случались, но, кстати, они были на удивление малочисленными и несерьезными, если учесть постоянное соприкосновение сфер влияния и интересов. Лишь с 413 г. до н.э. в афино-персидских отношениях происходит обострение¹⁹. Но и оно не достигает уровня постоянной и неизменной враждебности. На последнем этапе Пелопоннесской войны персы помогли то спартамцам, то афинянам. А на момент Коринфской войны (это первое десятилетие IV в. до н.э., т.е. период, тоже очень важный для тематики монографии А.А. Завойкина) мы обнаруживаем Афины и Персию в откровенно дружеских отношениях. Именно во главе персидского флота афинский полководец Конон в 394 г.

¹⁷ К вопросу о Гилоне см. Суриков 2009 (со ссылками на предшествующую литературу).

¹⁸ А.А. Завойкин давно уже развивает эту идею; см. хотя бы: Завойкин 2000.

¹⁹ В связи с событиями, из-за которых оно произошло, см. Рунг 2005.

до н.э. нанес спартам поражение в битве при Книде. Таким образом, вся эта часть аргументации автора просто не работает.

Далее, все-таки как не было, так и нет однозначных свидетельств источников в пользу самого факта враждебности между Пантикапеем и Афинами со времени понтийской экспедиции Перикла. Если же мы такую враждебность исходя из косвенных соображений все же постулируем (как достаточно часто делается в литературе²⁰), то перед нами встает весьма затруднительная задача: объяснить внешнепалатическую перемену внешнеполитических приоритетов Спартокидов – переход на сторону Афин, к тому же в самое неподходящее для того время – после поражения афинян на Сицилии. Тогда от Афин бежали все, кто только мог, отворачивались даже прежде надежные союзники; тем более сложно понять неожиданное появление симпатий к ним со стороны пусть периферийного, но сильного государства. Помимо прочего, переход на сторону Афин неизбежно вызвал бы обострение отношений с могущественной и влиятельной Спартой, которая обладала уже значительным флотом и неуклонно двигалась к своей гегемонии в Элладе. Нужно ли было Пантикапеем такое обострение? Еще одна парадоксальная импликация построения А.А. Завойкина: Пантикапеем, установив дружественные отношения с Афинами, тут же начал интенсивно теснить их из Боспорского региона (отобрал Нимфей и пр.). Не очень похоже на поведение друга! Одним словом, мы считаем, что то немногое, что известно о внешнеполитических позициях боспорских полисов в рассматриваемую эпоху, может быть с не меньшим, если не с большим успехом проинтерпретировано и в ином смысле.

С другой стороны, весьма интересной представляется идея о том, что Гераклея в IV в. до н.э. вмешалась в боспорские дела на юридических основаниях Анталкидова мира. Правда, нужно еще доказать, что условия этого договора распространялись не только на Эгейскую Грецию, но и на колониальные регионы. Во всяком случае, не похоже, чтобы, например, Дионисий Старший как-то отреагировал на Анталкидов мир и что кто-либо его упрекал в несоблюдении одного.

Только что проанализированная глава относится уже к третьей части исследования (главы 12–15, с. 401–456). Она озаглавлена «Этапы становления, структура государства и характер власти Спартокидов». В ней, в частности, разбираются статусы Феодосии, Горгипии, Синдики в составе Боспорского государства. И, наконец, итоговая глава 15 («Монархия Спартокидов и политическая структура государства», с. 434–456) содержит, как видно уже из ее названия, соображения о политической структуре государства Спартокидов, об эволюции этой структуры на этапе формирования Боспорской державы.

Здесь ценным и значимым представляется, в частности, формулирование особого этапа в складывании государства – этапа «мегаполиса» Боспора (между периодом существования собственно Пантикапейского полиса и периодом надполисного Боспорского государства). На этом этапе присоединенные полисы входили в состав «мегаполиса» в качестве, условно выражаясь, «демов» (с. 453)²¹. Хотя сам термин «мегаполис», может быть, и не идеален (впрочем, не исключаем, лучшего подыскать и не удастся), но тем не менее сама идея в высшей степени плодотворна.

Наконец, в «Заключении» (с. 457–461) А.А. Завойкин очень четко и лаконично подводит итоги своего исследования.

Давая общую оценку рецензируемой монографии, нельзя не признать, что она написана на исключительно высоком научном уровне. Без преувеличения можно сказать, что этот уровень не ниже, чем в лучших, наиболее, так сказать, классических работах об истории Северного Причерноморья. Труд А.А. Завойкина – в полном смысле слова этапный, с его появлением все наше понимание процесса формирования Боспорского государства выводится на принципиально новый, более высокий уровень.

Книга изобилует в полной мере оригинальными, новыми идеями, которые при этом, как правило, аргументированы максимально исчерпывающим образом. Разумеется, многие тезисы, выдвинутые А.А. Завойкиным, еще станут предметом острых научных споров, и не все с ними согласятся, безоговорочно примут их как доказанные факты. Но это ни в коей мере не является слабой стороной монографии; скорее наоборот – сильной, так как работа будит мысль.

В связи с этим необходимо оговорить, что сделанные нами выше, по ходу разбора текста, возражения по поводу ряда положений А.А. Завойкина имеют не критический, а полемический характер. Их целью была не фиксация недостатков, а констатация того факта, что для некоторых проблем возможны и иные решения. Это не замечания, а именно возражения, предполагающие ситуацию, когда потенциально правы могут оказаться обе дискутирующие стороны.

²⁰ Наиболее ярко эта тенденция проявилась, пожалуй, в книге: Блаватская 1959. Наши контраргументы см. Суриков 2013.

²¹ Кажется, впервые автор начал развивать эту важную идею в работе: Завойкин 2001.

Что же касается замечаний в собственном смысле слова – таковых немного, и они почти все имеют довольно-таки частный характер. Так, нередко по ходу работы А.А. Завойкин пользуется выражением «территориальная держава»²². Это выражение вообще прижилось в отечественной историографии (насколько можно судить, оно скалькировано с английского), но у нас есть серьезные сомнения в его корректности. Даже не в связи с вопросом «бывают ли бестерриториальные державы?» (поскольку этот вопрос сложнее, чем кажется на первый взгляд, и не может быть ответственно рассмотрен в рамках данной рецензии²³). Важнее другое: если мы постулируем какой-то феномен, существовавший в античности, мы вынуждены признать, что он как-то назывался. Какой можно подобрать греческий эквивалент для выражения «территориальная держава»? Нам такой неизвестен.

Далее, А.А. Завойкин пишет (с. 56), что в греческом мире единственным путем объединения полисов, кроме синойкизма, было завоевание более сильным полисом более слабого. В целом это суждение, пожалуй, можно признать верным, хотя и слишком категоричным: из выведенного здесь правила имеются исключения (например, добровольное присоединение Платей к Афинам в конце VI в. до н.э.²⁴; а если понимать «объединение полисов» в широком смысле, то можно ведь припомнить и Пелопоннесский союз²⁵). Тем не менее в качестве нормы это правило, видимо, следует принять. Но у самого же автора встречается в работе внутреннее противоречие, когда он пишет в другом месте (с. 176), что некоторые из городов Боспора могли быть присоединены Пантикапеем и мирным путем. Нужно как-нибудь примирить между собой эти два противоречащих положения, либо же смягчить категоричность первого из них.

Вообще автор, при всей взвешенности и осторожности его общего подхода, порой все-таки допускает категоричные и недоказуемые суждения. Так, на с. 176 сказано, что Гилон должен был сдать Нимфей до 405 г. до н.э., поскольку после этого года ему не вменили бы измену. Зная довольно хорошо ситуацию в Афинах этого периода, возьмемся ответственно утверждать: еще как вменили бы! А вот после амнистии 403 г. до н.э.²⁶ такой оборот события могли принять со значительно меньшей вероятностью. Вопреки мнению А.А. Завойкина (с. 290), амнистия в целом соблюдалась достаточно строго. Исключения, конечно, были, но не они определяли общую, весьма примирительную атмосферу в полисе в эти годы.

Мы согласны с А.А. Завойкиным, что в рассказе Диодора о борьбе сыновей Перисада I имеют место идеи неизбежности судьбы и обязательного исполнения пророчеств. Но для нас это еще не является достаточным основанием считать, что данный рассказ сложился в стоических кругах, как полагает автор рецензируемой работы (с. 512). Присутствующие здесь идеи были весьма распространены в древнегреческой мысли еще задолго до появления стоицизма (причем особенно как раз в мысли исторической). Ими пронизан, например, труд Геродота²⁷, который стойко еще никак быть не мог.

Ссылаясь на Х. Хабихта²⁸, А.А. Завойкин пишет, что в Афинах в первой половине 320-х годов был голод (с. 300). Но вот что смущает: как раз в эти самые годы в Афинах разворачивается строительная программа Ликурга, которая по своему размаху чуть ли не превзошла даже строительную программу Перикла²⁹. Столь грандиозное строительство, которое, несомненно, должно было потребовать весьма изрядных средств, как-то плохо согласуется с картиной бедствующего города. А не преувеличен ли масштаб бедствия?

Весьма спорными кажутся нам идеи о табуировании царских имен на Боспоре (с. 330), о присвоении Селевком II тронного имени Спарток III при принятии царского титула (с. 315–316). Но об этом мы подробнее, с аргументацией, пишем в другом месте³⁰.

Говоря о статусе Феодосии в составе Боспорского государства, А.А. Завойкин считает (с. 370, 417 слл.), что он не мог быть высоким, как часто полагают. Скорее, он был пониженным по отношению к собственно Боспору: ведь город попал в руки Спартокидов только после ожесточенного сопротивления. Однако, на наш взгляд, именно этим ожесточенным сопротивлением феодосийцы могли

²² Хотя из подзаголовка исследования при переработке его из диссертации в монографию автор это выражение все-таки снял, как уже отмечалось выше.

²³ Сложность вопроса полностью проявилась в дискуссии по поводу известной работы: Hampl 1939.

²⁴ Badian 1993, 109 ff.

²⁵ Bolmarcich 2005.

²⁶ Последний по времени труд о ней: Carawan 2013.

²⁷ Суриков 2011, 236.

²⁸ Хабихт 1999, 33.

²⁹ Knell 1995.

³⁰ Суриков 2007.

добиться для себя более «щадящих» условий сдачи (так часто бывало в греческом мире; собственно, ради этого-то и сопротивлялись заведомо более сильному противнику).

Чрезмерно расширительно трактуется в монографии (с. 447) магистратура стратега-автократора. Мы бы вообще не стали злоупотреблять постулированием этой крайне редкой в греческом мире магистратуры, к которой в современной историографии порой прибегают как к «палочке-выручалочке».

Подчеркнем, что все высказанные здесь замечания носят сугубо частный характер и ни в коей мере не могут повлиять на общую, весьма высокую оценку рецензируемой книги. Подводя окончательные итоги, нельзя не подчеркнуть вновь и вновь, что исследование А.А. Завойкина является в полной мере этапным. Это – в полном смысле слова вежа в изучении политической истории Боспора Киммерийского на ранней ее стадии (оценка обуславливается научным уровнем труда, а не отношением к тем или иным высказанным в нем конкретным тезисам, с которыми можно соглашаться или не соглашаться).

Вообще говоря, нас больше всего удивило то обстоятельство, что по прошествии примерно года с момента выхода монографии в свет на нее пока так еще и не отозвался рецензией никто из видных специалистов по боспорской истории. Автор этих строк никак не относит себя к таковым и, соответственно, долго ждал реакции более авторитетных коллег, но не дождался и вынужден был приняться за написание рецензии сам, ибо тут – как раз тот самый случай, в связи с которым можно сказать словами Л.Н. Толстого: «Не могу молчать».

Литература

1. *Анохин В.А.* 1999: История Боспора Киммерийского. Киев.
2. *Блаватская Т.В.* 1959: Очерки политической истории Боспора в V–IV вв. до н.э. М.
3. *Блаватский В.Д.* 1954: Архаический Боспор // Материалы и исследования по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху. 2, 7–44.
4. *Блаватский В.Д.* 1964: Пантикапей: Очерки истории столицы Боспора. М.
5. *Васильев А.Н.* 1985: Проблемы политической истории Боспора V–IV вв. до н.э. в отечественной историографии. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
6. *Васильев А.Н.* 1992: К вопросу о времени образования Боспорского государства // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья / А.К. Гаврилов и др. (ред.). СПб., 111–128.
7. *Видаль-Накэ П.* 2001: Черный охотник: Формы мышления и формы общества в греческом мире. М.
8. *Виноградов Ю.Г.* 1983: Полис в Северном Причерноморье // Античная Греция: проблемы развития полиса. Т. 1. Становление и развитие полиса / Е.С. Голубцова (ред.). М., 366–420.
9. *Виноградов Ю.Г.* 1989: Политическая история Ольвийского полиса VII–I вв. до н.э. Историко-эпиграфическое исследование. М.
10. *Жебелёв С.А.* 1953: Северное Причерноморье. Исследования и статьи по истории Северного Причерноморья античной эпохи. М.–Л.
11. *Завойкин А.А.* 2000: Афины – Боспор – Гераклея Понтийская (от Перикла до Клеарха) // Межгосударственные отношения и дипломатия в античности / О.Л. Габелко (ред.). Ч. 1. Казань, 249–268.
12. *Завойкин А.А.* 2001: «Боспорский феномен» или псевдо-эллинизм на Боспоре // ДБ. 4, 150–181.
13. *Завойкин А.А.* 2004: Фанагория во второй половине V – начале IV в. до н.э. (по материалам раскопок «Южного города»). М.
14. *Завойкин А.А.* 2007: Образование Боспорского государства: Археология и хронология становления территориальной державы. Дис. ... докт. ист. наук. М.
15. *Завойкин А.А.* 2014: Образование Боспорского государства: от полиса к царству (некоторые итоги и перспективы дискуссии) // Древнейшие государства Восточной Европы. 2012 год. Проблемы эллинизма и образования Боспорского царства / А.В. Подосинов, О.Л. Габелко (ред.). М., 18–56.
16. *Завойкин А.А., Сударев Н.И.* 2006а: Погребения с оружием VI–V вв. до н.э. как источник по политической и военной истории Боспора. Ч. I // ДБ. 9, 101–151.
17. *Завойкин А.А., Сударев Н.И.* 2006б: Погребения с оружием VI–V вв. до н.э. как источник по политической и военной истории Боспора. Ч. II // ДБ. 10, 263–303.
18. *Молев Е.А.* 1997: Политическая история Боспора в VI–IV вв. до н.э. Нижний Новгород.
19. *Рунг Э.В.* 2005: Афины и мятеж Аморга // *Studia historica.* 5, 23–36.
20. *Сапрыкин С.Ю.* 2003: Боспорское царство: от тирании к эллинистической монархии // ВДИ. 1, 11–35.

21. *Сапрыкин С.Ю.* 2013: Постэллинизм на Боспоре: предпосылки и развитие // Боспорский феномен: Греки и варвары на евразийском перекрестке / М.Ю. Вахтина и др. (ред.). СПб., 191–194.
22. *Суриков И.Е.* 2007: Имена правителей в государстве Спартокидов (о нескольких дискуссионных проблемах древнегреческой политической ономастики) // ДБ. 11, 380–393.
23. *Суриков И.Е.* 2009: Кое-что о родственниках Эсихина и Демосфена («Раб Тромет», «предатель Гилон» и другие, или: а был ли «нимфейский след»?) // ДБ. 13, 393–413.
24. *Суриков И.Е.* 2010: Воительница Афина: Солон, Писистрат и афинское полисное ополчение в VI в. до н.э. // Мнемон. 9, 27–54.
25. *Суриков И.Е.* 2011: Очерки об историописании в классической Греции. М.
26. *Суриков И.Е.* 2012: Две проблемы боспорского политогенеза V–IV вв. до н.э. («взгляд из Эллады») // Восточная Европа в древности и средневековье. Миграции, расселение, война как факторы политогенеза / Е.А. Мельникова (ред.). М., 311–315.
27. *Суриков И.Е.* 2013: «Молчание ягнят» (О теории антибоспорского заговора греческих историков V в. до н.э.) // ДБ. 17, 280–296.
28. *Суриков И.Е.* 2014: Некоторые проблемы боспорского политогенеза V–IV вв. до н.э. («взгляд из Эллады») // Древнейшие государства Восточной Европы. 2012 год. Проблемы эллинизма и образования Боспорского царства / А.В. Подосинов, О.Л. Габелко (ред.). М., 76–122.
29. *Толстиков В.П.* 1984: К проблеме образования Боспорского государства (Опыт реконструкции военно-политической ситуации на Боспоре в конце VI – первой половине V в. до н.э.) // ВДИ. 3, 24–47.
30. *Хабихт Х.* 1999: Афины: История города в эллинистическую эпоху. М.
31. *Шелов-Коведяев Ф.В.* 1985: История Боспора в VI–IV вв. до н.э. // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1984 год. М., 5–187.
32. *Badian E.* 1993: From Plataea to Potidaea: Studies in the History and Historiography of the Pentecontaetia. Baltimore – London.
33. *Bolmarcich S.* 2005: Thucydides 1. 19. 1 and the Peloponnesian League // Greek, Roman and Byzantine Studies. 45, 5–34.
34. *Carawan E.* 2013: The Athenian Amnesty and Reconstructing the Law. Oxf.
35. *Hampf F.* 1939: Poleis ohne Territorium // Klio. 32, 1–60.
36. *Knell H.* 1995: Überlegungen zur öffentlichen Architektur des IV. Jahrhunderts in Athen // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v.Chr / W. Eder (Hrsg.). Stuttgart, 475–514.
37. *Vernant J.-P.* 1980: Myth and Society in Ancient Greece. Brighton.
38. *Vinogradov J.G.* 1980: Die historische Entwicklung der Polis der nördlichen Schwarzmeergebietes im 5. Jh. v.Chr. // Chiron. 10, 63–100.
39. *Vinogradov J.G.* 1997: Pontische Studien. Kleine Schriften zur Geschichte und Epigraphik des Schwarzmeerraumes. Mainz.

Igor E. Surikov
 Institute of World History,
 Russian Academy of Sciences,
 Moscow, Russia
 Lobachevsky State University of
 Nizhny Novgorod, Russia

И.Е. Суриков,
 доктор исторических наук,
 Институт всеобщей истории РАН,
 Москва
 Нижегородский государственный
 университет им. Н.И. Лобачевского

isurikov@mail.ru

© 2015 г.

Вестник древней истории
 2015, № 3, с. 235–239

H.-P. FRANCFORT. L'art oublié des lapidaires de la Bactriane aux époques achéménide et hellénistique. Paris: De Boccard, 2013. 207 p.

В широко известной серии «Persika» опубликована небольшая книга А.-П. Франкфора, известного французского археолога, много сделавшего для изучения прошлого Центральной Азии. Она имеет несколько провокационное название «Забывтое камнерезное искусство Бактрианы в ахеменидскую и эллинистическую эпохи».